

Елена Арсеньева

Ткантная тайна

МАДДЛЕН

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Разработка серийного оформления *К. Гусарева*
Ранее издана под названием «Мужчины Мадлен»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Пикантная тайна Мадлен / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Пикантный детектив).

ISBN 978-5-04-096419-2

Писательница Алена Дмитриева не раз бывала в Париже и обожала все, что связано с городом любви. Кроме того, Дмитриева обладала уникальной способностью ввязываться в немыслимые приключения везде, где бы ни находилась! Приобретая полотно средневековой художницы, Алена моментально попала в капкан аферистов и мошенников. Только по дороге домой злополучная картина подверглась нескольким похищениям. А уж что началось по возвращении!.. Друзья превратились в беспринципных манипуляторов, знакомые оказались жуликами, а враги обернулись лучшими друзьями. И все из-за маленького кусочка французского холста!.. Еще бы — оно хранит маленькую пикантную тайну!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096419-2

© Арсеньева Е.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

*Все события, изображенные в романе,
выдуманы, совпадение имен и фамилий
носит случайный характер*

Кстати, поговорим немного о раз-
врате...

В. Федоров

Женщины считают невинным все,
на что они решаются.

Жубер

Сколько там нынче стоит евро? Примерно сорок пять рублей? Ну, пусть так, рублик-другой туда-сюда определяющей роли в мировой революции не сыграет. А если умножить сорок пять рублей на пятьдесят евро? Получается... получается... Так, сорок на пятьдесят — это две тысячи, потом пять на пятьдесят — двести пятьдесят, затем сложить... выходит две тысячи двести пятьдесят. Впрочем, той же цели можно добиться гораздо проще: если одно евро — сорок пять рэ, то сто — четыре пятьсот, а разделить четыре пятьсот на два, выходят все те же две тысячи двести пятьдесят рубликов. Ну, каждый считает по-своему, Алёна Дмитриева, к примеру, и тот способ попробовала, и этот (она по привычке, свойственной всем руссо туристо за рубежом, быстренько переводила местные цены на рубли), и сочла, что сумма получается не критичная. То есть данная сумма ее совер-

шенно не разорит, а удовольствие, купленное за эту денежку, практически тянет на вечность. Поэтому она вынула из кошелька красненькую бумажку в пятьдесят евражек и протянула симпатичному молодому человеку, гарсону, который так и ел ее глазами.

Надо сказать, что местоимение «ее» в данном случае относится равным образом и к бумажке, и к Алёне. Гарсон явно терялся, куда свои пылкие взоры приклеить, то ли к безупречным ногам красивой грудастой дамы (она была в шортах и топике... зрелище — зашибись!), то ли к бумажке в пятьдесят евро. Не то парень жадный такой был по сути своей, не то деньги ему срочно понадобились, а может, и сверхсрочно, если он решил за такую ничтожную сумму продать эту чудную картину.

А впрочем, дело ведь происходило не в какой-нибудь галерее, не на Монмартре, не на набережной Сены, не в сувенирном магазинчике, где цены рассчитаны исключительно на тугие кошельки туристов или на их же набитые карманы. Дело происходило на пюсе. Пюс, или по-французски *la ruse*, — блоха. Всем, даже тем, кто никогда не был в Париже, известен Блошиный рынок, иначе говоря, *Marché aux ruses*, в квартале Сент-Уан. Алёна когда-то, еще девочкой, узнала о нем из книги Херлуфа Бидструпа, знаменитого карикатуриста. Книга с годами затерялась, и Алёна помнила только

одну картинку: девица с потрясающей фигурой прижимает к себе хорошенького щеночка. Смысл подписи состоял в том, что на Блошином рынке очень легко можно подцепить блох за свои же деньги. Ну что ж, немудрено: это ведь рынок антиквариата, старинных вещей, а иногда и просто, вульгарно — обыкновенного старья. Во Франции, как нигде в мире, сохранилось огромное количество веками, поколениями накопленного добра, которое иногда начинает заедать жизнь владельцам, и те норовят его сбывать по сходной цене. В провинции, к примеру, каждое воскресенье открываются на рыночных площадях такие небольшие барахолки, которые называются *vides-greniers*, вещи с чердака. Ну, по названию понятно, что там продается. Ничего нового — только то, что залежалось дома и больше не надобно. А в Париже многочисленные *ruces*, *пюсы*, в выходные дни открываются чуть ли не в каждом квартале. Знатоки проводят там уйму времени, а люди случайные, попав на такой *пюс*, ощущают себя Али-Бабой в пещере сокровищ.

Примерно так же почувствовала себя и Алёна Дмитриева, когда, возвращаясь с холмов Монмартра, направлялась к *рю де Мортир* — и вдруг на углу *авеню Трюдан* очутилась в центре рыночного развала.

Собственно, часы показывали уже пять, поэтому торговцы потихоньку собирали свои со-

кровища. Алёна торопливо покопалась в коробках с бижутерией (в прошлом году она на таком же пюсе, правда, на бульваре Бон-Нуviel, купила две пары ошеломительных серег из своего любимого муранского стекла, причем они были не какой-то новодел, который и в Нижнем Горьком¹ запросто купишь, а настоящий антик, тяжеловатый для нежных дамских ушек, но невероятно красивый), прошлась по мебельному ряду, кидая завистливые взгляды на шкафы, кресла и секретеры и воображая, как бы она обставила свой парижский дом... если бы, к примеру, в одночасье сделалась миллионершей и смогла купить себе жилье в Париже — мечтать, говорят, не вредно!.. Потом, подвергнув опасности свою и без того избыточно рельефную фигуру, съела дивную слоеную витушку с изюмом — на всяком пюсе непременно торгуют вкуснейшей, просто-таки наркотической, пусть и не слишком-то здоровой едой — и собралась покинуть пюс. Но вдруг увидела эту картину, которая стояла себе бочком, скромно так, посреди откровенно аляповатой мазни и каких-то там однообразных гравюр, и просто-таки была по глазам своей изысканной красотой.

Или не была? Никто же в нее доселе не вце-

¹ Так в шутку называют свой город жители Нижнего Новгорода, в недавнем прошлом носившего наименование гор. Горький. *Здесь и далее примечания автора.*

пился, никто не уволок, несмотря на смехотворную цену! Может, она только Алёну Дмитриеву так поразила. Может, она вообще была написана именно для того, чтобы свести с ума русскую писательницу-детективщицу, которая жила в Нижнем Новгороде, но частенько бывала в Париже и обожала все, что с Парижем связано, а главное, обладала уникальной способностью ввязываться в какие-то жуткие приключения как в родном городе, так и в этом самом Париже... Вот и сейчас, остановившись перед картиной, она остановилась как раз перед новым приключением, правда, еще того не ведая. Она могла бы избежать ловушки, расставленной ей судьбой, если бы полюбовалась да и пошла себе дальше, но нет — стояла и стояла, а судьба-охотница тем временем затянула петлю вокруг ее лодыжек и незаметно для Алёны опутала веревкой неизбежности и ее ноги, и бедра, и уже руки связала, и готовилась затянуть петлю на горле... А наша писательница все не могла оторвать взора от картины.

Ну, честно говоря, картина была и в самом деле чудная. Во-первых, на ней был изображен Париж. Во-вторых, Париж отнюдь не сегодняшней, а начала двадцатого или, может, даже и вовсе конца девятнадцатого века. В-третьих, привлекал сюжет. На площади Мадлен, почти у ступеней церкви Мадлен (не около главного фасада, который обращен на Конкорд, а с вос-

точной стороны, где крыльцо не столь высокое), стояла цветочница с небольшой тележкой, переполненной букетами. Сейчас на этом месте находится очень даже не маленький рынок цветов, а в старину здесь обитали цветочницы с ведрами и тележками. Говорят, традиция пошла оттого, что некогда близ Мадлен жила Альфонсина Дю Плесси — та самая, которую некогда любил Александр Дюма-сын и о которой он написал потом свою знаменитую «Даму с камелиями». Впрочем, бог весть, в Альфонсине ли дело тут, или просто место удобное выбрали для себя цветочницы. Парижане любят легенды — и подлинные, и мифические. С другой стороны, разве только парижане их любят? Возьмите хоть Алёну Дмитриеву — вокруг нее столько легенд всегда ходило, ну просто хороводы водили вокруг нее эти самые легенды! И не то чтобы она была от них в восторге, но все же без легенд жизнь гораздо скучнее, согласитесь...

Так вот о картине. В ней было что-то импрессионистическое и реалистическое враз. От импрессионизма — небрежная изысканность мазка и щедрая яркость красок, которыми выполнены были букеты; от реализма — весьма правдиво-унылое настроение. Собственно, оно и не могло быть иным в поздне-осенний, а может быть, даже зимний день: на деревьях — ни листочка, на небе — ни единого солнечного

проблеска, да и одинокая продавщица цветов явно была одета для очень, ну очень холодного дня: капор, жакетик, ворох темных юбок, высокие ботинки... Чувствовалось, что она ужасно озябла и ругательски ругает себя за то, что вышла торговать в такую стужу. Ни одной цветочницы вокруг больше не было, все побоялись замерзнуть и поморозить свой нежный товар. А она вот рискнула.

Ее цветы, впрочем, вовсе не выглядели замерзшими. Они буйствовали, неистовствовали, просто-таки выплескивались из картины. Их хотелось взять в руки и окунуться в них лицом, в их холодную, ароматную влагу, непременно перепачкавшись при этом желтой и оранжевой пылью. И если общий фон был холодный, скучный, чопорный и какой-то невыносимо приличный, то цветы кривлялись, кокетничали, зывали ко всему самому потаенному и непристойному, что только таилось в человеке.

Во всяком случае, такое ощущение возникло у нашей героини. Слов нет, она воспринимала мир весьма своеобразно, и, что характерно, мир отвечал ей адекватным своеобразием, от которого порою Алёна только глаза таращила то изумленно, то потрясенно, а то и, случалось, испуганно. Таращила она их и сейчас — но сугубо восхищенно.

— Кто это написал? — спросила писательница у тощего гарсона-продавца.

Тот метался между двумя стойками (на дру-

гой был выставлен медный антиквариат), то и дело норовя сбить и без того криво висевшую над картинами табличку: «V. Peintre». Над многими стендами были прикреплены такие таблички, причем некоторые торговцы указывали только свои фамилии, например Richar, Millié, а некоторые — вид товара, который они продают: porcelaine — фарфор, или bronze — бронза, или bijouterie — бижутерия, или lampe de bureau — настольные лампы... Угадать по вывеске «V. Peintre», что имеется в виду, фамилия или вид товара, было сложно, ведь здесь продавались картины, а peintre по-французски — художник... Впрочем, нет, тут, конечно, фамилия, потому что V. — явно инициал. Может, парня зовут Victor или, к примеру, Vincent. И вообще, можно было написать на табличке tableaux (картины) или peinture (живопись).

— Кто художник? — повторила вопрос Алёна.

Продавец небрежно передернул плечами:

— Не знаю. Наверное, копия с чего-нибудь, причем не самая лучшая. Вот здесь, — он перевернул картину, и стали видны порыжевшая изнанка небрежно загрунтованного холста и грубая основа рамки, — написано: Madeleine, Мадлен.

— Может, автор уточнил, что именно изображено, — нетерпеливо возразила Алёна. — Мол, église Madeleine, то есть церковь Мадлен. Или площадь Мадлен.

— Смотрите... — Продавец ткнул пальцем в убористую надпись в самом низу изнанки холста: «La vendeuse de fleurs à la place de la Madeleine»¹.

— Это название. А художницу, наверное, звали Мадлен. И на самой картине стоит та же буква, видите?

И Алёна в самом деле разглядела в нижнем правом углу полотна, там, где обычно стоит подпись автора, корявенькие букочки: *М-О Х*.

— Думаете, «М» означает «Мадлен»? — усомнилась Алёна, которая, когда не надо, была избыточно доверчива, а иногда становилась — вот как сейчас! — сущим Фомой Неве­рующим.

— Думаю, это первая буква ее первого имени, — с видом знатока заявил продавец. — Например, ее звали Мадлен-О... Ну, к примеру, Одри, или Одетта...

— Или Одиллия, — немедленно подсказала Алёна, которая обожала балет «Лебединое озеро». — Или Огюстина, или Онорина... Хотя нет, если Огюстина, первая буква была бы А, а если бы Онорина — Н².

¹ «Продавщица цветов на площади Мадлен» (франц.).

² Алёна подразумевает, что во французском языке звук «о» иногда выражается на письме буквосочетанием, как, например, в слове août, то есть август, от которого произошло имя Огюстина (Августа), а в слове honneur, честь, от которого произошло имя Онорина, не произносится буква h.

— Мадемуазель иностранка? — лукаво улыбнулся продавец. — Впрочем, ваш очаровательный акцент мне это уже подсказал.

— Да, я русская, — кивнула Алёна.

— О, все русские необычайно красивы... — промурлыкал продавец, глядя в ее декольте.

Собственно, Алёна и сама знала, что все русские красивы (кто не знает, это вообще аксиома). Поэтому она просто кивнула и продолжила разгадывать тайну подписи:

— А что значит Х? Начальную букву фамилии?

— Ну да. Например, Xavier, Ксавье. Почему бы нет?

— А была такая художница, Мадлен-Одри Ксавье? — продолжала сомневаться Алёна.

— Наверное, была, если написала картину, — хмыкнул продавец. — Запросто!

— То есть она не очень известная? — огорчилась Алёна.

— Скорее совсем неизвестная, — пренебрежительно пожал плечами молодой человек. — Какая-нибудь любительница. Так, пописывала для себя, для своего удовольствия, ну а теперь потомки пожирают плоды. Довольно хиленькие плоды, а все же... Да и зачем вам картина известного автора? Вы же ее за границу повезете? Картина знаменитости непременно окажется в каком-нибудь секретном таможенном каталоге, ее или запретят вывозить, или пошлину

сдерут. А эта... Это для удовольствия! Ну так вы берете картину?

— Беру, — кивнула Алёна решительно и достала кошелек. — У меня, видите ли, день рождения скоро, в сентябре. И хоть, говорят, плохая примета — заранее подарки делать, я все же куплю картину себе в подарок. И завтра первым утренним рейсом она полетит в Россию.

— Мадемуазель, — с парижской улыбкой (нет, в самом деле, так умеют улыбаться только парижане мужского пола!) проговорил продавец, — желаю, чтобы ваша несравненная, уникальная красота (он так и сказал — *vôtre beauté incomparable, unique*) цвела год от года так же пышно и ярко, как эти цветы! — Парень ткнул пальцем в буйство красок на картине.

Алёна покачала головой и подумала, что тощий чернявый торговец, в остроносом смуглом лице которого было что-то гасконское, совершенно как у короля Генриха IV или, на худой конец, как у д'Артаньяна, совершил одну ошибку. Роковую, можно сказать. Ему надо было цену называть не *до* комплимента, а *после*. Сейчас Алёна не то что пятьдесят евро, но даже сто выложила бы. Честное слово!

Но что сказано, то сказано. Алёна отдала деньги, продавец уложил картину в непрезентабельный черный пластиковый пакет, наша героиня поблагодарила, обворожительно улыбнулась — и пошла вниз по рю де Мортир. По пути